

Игорь Тюленев

Моросит. На сердце сыро...

Стихи железной глаголы
Стопой обопрутся на ять!
Из срубленных вражьи краше
Далёкие братья, монголы,
Нас скальпы научат снимать.

Напомним, как делают чаши
Из срубленных вражьи голов.
На свете нет Родины краше
И этих доходчивей слов!

А на дворе апрель, а не февраль.
И скоро май, и ласточки к нам в сени...
А на моём столе раскрыты Есенин,
Он для поэтов Родины – букварь.

И я его люблю, как дети даль.
Другие имена – глаголы те же.
Я пью слова, как водку пьёт москаль,
С любовницей на крымском побережье.

Струна любви от ветра так звенит,
Что на морском песке дрожат русалки.
И первый лучик из небесной прятки,
Вслед за росой по желобу бежит.

Мы пили в Коктебеле и в Москве
С тобой за одиночество Отчизны.
Пусть наши девы корчатся в тоске,
Пока мы говорим с тобой о жизни.

Пусть кровь раба из роса выйдет вон!
Из тигля Русской Славы – испарится...
Пусть колеблют олимпийский трон
Восторженные молодые лица.

Пусть разгорятся угольки в золе
От речи разрывающей пространство.
Затем, чтобы оставить на Земле
В границах Русь и в берегах Славянство!

– О, этот стих и Пушкин мог заметить!
Большой Поэт поставил мне на вид.
Поэт с поэтом, Господи, мой Свете,
От имени поэта говорит.

Ни графоманы и ни толстосумы
Не попадут на сей духовный пир.

Хорошие поэты, словно гунны,
Когда-нибудь вновь завоюют мир!

Пермские боги

Голодный огонь христианства
Пожрал деревянных богов...
Ю. Кузнецов

Сошлись деревянные боги
В музее. И встали кружком.
Пришли они с Камы и Волги,
Пришли, как пехота, пешком.

Рубежная Русь замутила
Уральским туземцам глаза.
Ковшиом солеварниц смочила
Калёные стрелы слеза.

Не ждут деревянные боги,
Что им, как в лесах Перуну,
Притащат лосиные ноги
И кровью измажут губу.

Хотя угро-финские лица
Подправили крестьянский топор.
Хотелось к Руси прислониться,
Крестом раздвигая простор.

Пока деревянные боги
Дремали, храпя за версту...
Гвоздём деревянные ноги
И руки прибили к кресту.

Сошлись они в пермском музее
И впрямь никуда не идут.
Ручьями текут ротожею
И пальцы под гвоздзи суют.

«Голодный огонь христианства
Пожрал деревянных богов...»
А мы возвратили гражданство!
Вернули из праха веков!

Пусть благодарные дети
В музейный торопятся храм, –
Отводят грядущие беды,
Припав к деревянным столам.

Роняет клён стихотворенья,
Где строчек больше,
Чем листьев.
Осеннее ли откровенье
Или признание в любви.

Любимые слова повсюду:
Околица,
Сентябрь,
Река.
И солнце катится по блюду
И по листу черновика.

Стрела дождя прибила лист к земле,
Ему подняться не хватает силы,
Древесный уголь теплится в золе,
На лбу поэта набухают жилы.

Печально, друг, горит звезда в ночи,
Пронзая сумрак на краю Державы,
Где огонёк от спички иль свечи
Дороже вдохновения и славы.

Заварен чай, варенье на столе,
Густое и тяжёлое, как осень,
А как ты жил – в добре или во зле, –
Об этом на земле никто не спросит.

Стена

Вынесли из Мавзолея
Под картатый шепоток...
Те, кого б он, жизнь шмея,
Тут же стёр бы в порошок!

В ночь всемирного кумира
Закопали у Стены!
Он теперь лежит, как мина,
Боевой запас страны.

Бог

И я бы мог просить у Бога
О том, что мы не сберегли,
Но просьба слишком уж убога,
Хоть не светлее стали дни.

А бесы лезут отовсюду:
В культуру, в армию и в храм,
То Саломею, то Иуду
В герои предлагая нам.

Стоп!
Мы с Державой не простились,
Не встали на колени в грязь,
И всё же в душу пропустили
И в сердце мировую мразь.

Но перст Господний русских учит,
Как поводишь, слепых ведёт,
И солнцем выжигает в туче
Слова «Победа» и «Вперёд».

Река пустой баркас колышет,
Шумит над лесом дождь грибной,
И нас с тобой никто не слышит:
Ни Бог, ни царь и ни герой.

Здесь нет антенн и телебашен,
Бурьян – что море-океан,
И русский путь совсем не страшен,
Когда ты словом осиян.

И огурец растёт на грядке,
Целует солнце помидор.
В деревне нашей всё в порядке
И прямо за окном – простор.

Ты мне когда-нибудь спойшь
Романсы русского поэта,
Любовь есть высшей пробы ложь,
Хотя и соткана из света.

Мир сотворён, пора взмывать
Невесть куда с Господней длани...
Грешно любовью называть
Всё то, что не случилось с нами.

Поднебесная русская ширь
Где былём поросла, где травой,
Как над речкою скорбный пустырь,
Где стоит обелиск со звездой.

Сколько крови глотала земля,
Сколько вражьи кости измолола,
Что полнеба закроет зола,
Поднимаясь, как птица с подзолой.

Баба в руки лицом упадёт,
Словно выпь на болотах, завоюет,
Жалость женщине русской идёт,
Слёз её даже ливень не смоеет.

Потому что в медвежьих углах,
На языческих камских просторах
Отражаются души в глазах,
Как в стволах после выстрела – порох.

Жизнь покачнулась на весах,
Но удержалась.
В небесах
И на земле вражда бушует,
И гаснут звёзды там и тут,
Дорожи в «никуда» ведут,
И река образ твой ворует...
Словно следы от стоп Христа,
На лады
Контуры лица
Вниз по течению мерцают.

И на языке французском молодёжь
Сегодня говорит вполне свободно –
Он с песней и полётом стерха схож,
Звения над вольной тундрой
Благородно!

И на душе становится легко –
Спасибо вам, Гюго, –
Поэт Гюго!

Звезда, попавшая в глаза,
До смерти не прожгла тебя,
Лучи глагол твой залапают,
Он станет чистым, как роса,
Звеняц,

как неба полоса.
К Отчизне простирая руки,
Услышишь звон колоколов,
Ужель и он устал от слов –
Тот,
Кто за Слово принял муки?
Сместилась линия весов,
Отпали стрелки от часов,
Секундная и часовая...
Одна минута до утра,
А дальше зеркала у рта
Вздохнёт,
Как бездна мировая.

Открываю тяжёлые книги, –
Между строк пробивается свет,
Слышу: цепи звенят и вериги
И полки поднимают поэт.

Вижу это великое Слово,
Что орде сшибло голову с плеч.
Без тебя – ни жены и ни крова,
Да и Родины... Русская Речь!

Отчего стало сыро и голо,
Ветер юности свистит с высот, –
Но играет тех лет радиолоа,
И кого-то обратно зовёт.

Замелькали холмы и ухабы,
Чей-то взор пролетел над землёй...
Ах, наверное, сердцу пора бы
Позабывать этот край золотой.

Дух древесный лесного посёлка
Вышибает сухую слезу...
Словно Бог превратил тебя в волка, –
Подступиться боишься к жилию.

Покрылись золотом берёзы
Сусальным с божьего плаца.
И не страшны зымы узоры,
Всё стерпит русская душа.

Всё выдюжит простое сердце:
Имперский крик, царёву ложь,
Предателя-единоверца, –
Вселенским возгласом: «Ну, что ж...»

Пусть вместо птиц орёл двуглавый
Летит неведомо куда.
Идут слова казачьей лавой.
Безумцы! Я вас ждал всегда!

Хоть на развалинах Союза,
Хоть на развалинах души,
Очнись в гробу хрустальном, муза,
И очни карандаши!

И важно лиственницы рядом
Темнеют в небе, как тавро, –
Стоят незбылемым отрядом
на страже таинства того...

И разнотравно, разноцветно,
из-за далёких синих гор
вступает лето незаметно,
на небо устремляя взор.

А ночь тиха необычайно,
неслышно светится зенит...
Лишь двух сердец влюблённых тайна
цветком хрустальным в ней звенит.

Кто смотрит на полёт моей души
издалека, за сотни верст отсюда,
и шепчет мне: «Мой мальчик, не спеши!»
И я всё слышу... (Это ли не чудо?)

И кто, когда тоска раздавит грудь
и в сердце влезет грустная лапа ползучий,
мне будто говорит: «Сыннок, забудь,
увидишь, солнце вновь разгонит тучи!»

Или когда, сгорев в огне обид,
встаю на край, кляня свой век железный,
раскинув крылья, – кто за мной стоит,
чтоб подхватить меня

над самой бездной?
Кто ангел этот, но преданно, поверьте,
хранит своей любовью жизнь мою,
ходящую в пяти шагах от смерти?

Поживу я на этой земле родимой,
Возле мильных аласов с тобой, родная.
Может,
только любовью твоей хранимый,
Не испил ещё чашу свою до дна я.

В пору лютых морозов
январской стужы,
Созревая тебя, я б хотел до дрожи
Оцунцать, что ещё я тебе так нужен,
Что и дня без меня
ты прожить не можешь.

И хотел бы я жить на земле отныне,
лишь к ногам твоим морозец бросая,
чтоб лютые скрижали моей горьбыни
зачеркнула бы нежность твоя простая.

Лишь любовью и бесмертностью на свете этом.
Разве это не смерть –
быть нам друг без друга?!

Жизни круз –
как дорожа меж тьмой и светом...
Будь счастливым,
пока не сошли мы с круга.

Перевод Евгения Каминского

Иван Мигалкин

Любовью твоей хранимый...

О, письма, новые письма!
В них – светоч неугасимый,
Как звонкие рельсы века,
В них каждая строчка поёт.

О, долгожданные вестки,
Письма моей любимой,
Тёплые и живые,
Как сердце моё и твоё!

Чуть качнула крыльями лебязьими,
Обняла предрасветный алас,
Высоко над туманами влажными
И над миром моим неслась.

Вознеслась, унеслась, не окликнула
Из невинного детского сна.
Говорят, поутру белоглазая
Приняла твою душу Луна.

С той поры и смотрел сиротливо я
Вслед тебе, в лебединую высь.
Точно стадо оленей пугливое,
Одиноко года пронеслись...

Но сегодня жемчужина лунная
В серебре утопила алас,
И любовь, долгожданная, юная,
Тихим светом в меня пролилась.

Снежная девочка
Снежная девочка, Снежная девочка,
Слушаю тайно я песни твои.
Кто ты? – откройся, Снежная девочка,
Зимнее имя своё назови.

Нежная песня твоя сокровенная
Силы исполнена, света полна.
Как обжигает душу смятенную
Пламенем чистым твоей белизна!

Снежная девочка, милая гостыя,
Словно лебяжий кружащийся пух,
Ты опустишь на ладонь мою жёсткую
И осветишь моё сердце и дух.

Снежная девочка, милая гостыя,
Словно лебяжий кружащийся пух,
Ты опустишь на ладонь мою жёсткую
И осветишь моё сердце и дух.

Любимую
К дню яркому ревную –
Лучами обнимает он
родную.

И к облакам,
Сбивающимся в клубы, –
Те каплями
её целуют губы.

Как ветер, разбежавшись в синеве,
Припал к осине, а она трепещет,
И как охотник, крадучись в листве,
Росу на гибкой ветви задевает,
На землю капли тяжкие сбивает –
Я это слышу.

В комнате.
В Москве.

В конверте – из Якутии подснежник.
К себе взбегаю, на шестой этаж.
Фигуре Толоса, африканец наш:
«О, – говорит, – какой он робкий,
нежный...»

И Африка ярчайшая встает,
Я вижу, у него перед глазами,
И девушка. Он на мновенье замер –
Со вздохом он цветок мой отдаёт.
Ну, что мне делать?

– Снастлив я... Дело
Со всеми радость. Где жара, где холод,
И мир не только климатом расколот,
А я люблю друзей моих, люблю!
Желаю всем цветов в конвертах писем,
Мы так их ждём и так от них зависим!

Как много-много солнц,
когда вам шесть,
Когда окно меняется в салюте
И в радужных огнях добреют люди...
А у меня свои огни тут есть!
Пять сильных дней было у меня.
Как мой отец, мне рассказала мама,
Он б меня подкидывали прямо
До неба, выше этого огня.
Но мама говорит, когда она
Пошла учиться, началась война,
И мои дяди больше не придут.
Они спасали нас от бедствий лютых
И все погибли. Но сердца их тут,
Взлетают к звёздам
в праздничных салютах.

Перевод Александра Аронова

Ревную
Любимую
К дню яркому ревную –
Лучами обнимает он
родную.

И к облакам,
Сбивающимся в клубы, –
Те каплями
её целуют губы.

К берёзкам
белоствольным и зелёным –
Она к ним взором
ластится влюблённым.

К поэзии ревную –
Правый, Боже! –
Не я, а мои песни
Ей дороже...

Перевод Сергея Каратова

Стремительно скачут,
Пронзая века,
Сонеты твои,
Как крылатые кони.
Влетев в мой алас,
Отдышитесь слезка
В тени коновязи,
Устав от погони...

Чудесная музыка песен-баллад
Похожа на мощное Лены течение.
Сверкают якутской душе моей в лад
Алмазные строки латинских речений.

И если, Петрарка,
При жизни тебе
Страдать приходилось
От подлых гонений,
Сейчас бы
С якутами в осухоае
Ты пел и плясал бы,
Как признанный гений!

Перевод Виктора Бургова

Что ж, не любите меня – проживём
Врозь свои жизни, так горько и странно.
Быстро года пролетят, но в моём
Сердце не скоро затянется рана.

Будет ваш образ опять и опять
Видеться, грезиться мне, как в тумане.
Буду я втайне о вас вспоминать, –
Ах, это первое наше свиданье!

Вы затеряетесь в мире, а там
След ваш сотрётся из памяти,
Песню мою, посвящённую вам,
Будут влюблённые петь ещё долго.

Перевод Юрия Денисова

Что, позабыв о полуночном сне,
Заплачет кареоякая якутка
Об Эсмеральде, о добре и зле,
О той любви, где весело и жутко.

Якуты мои,
Якуты мои, вы в просторах безбрежных
Живёте, в грядущие устремлены.
Как первый, пронизанный солнцем
подснежник,
Живучи, упорны, светлы и скромны.

Якуты мои, вы под звуки хомуса
Прекрасную новь создаёте душой.
Как тянутся к солнцу сарданы,
тянуться

Привыкли вы к свету и жизни большой.

Якуты мои, в этой жизни кипучей
Для дружбы протянута ваша рука,
Но если над Родиной
вздвигаются тучи,
блеском итышка.

Якуты мои, вы горите, как звёзды,
Чей возраст вселенский
умом не понять.

Вы вечны, как солнце,
как реки, как воздух,
И так же бессмертны,
как Родина-мать.

Перевод Виктора Бургова

Что ж, не любите меня – проживём
Врозь свои жизни, так горько и странно.
Быстро года пролетят, но в моём
Сердце не скоро затянется рана.

Будет ваш образ опять и опять
Видеться, грезиться мне, как в тумане.
Буду я втайне о вас вспоминать, –
Ах, это первое наше свиданье!

Вы затеряетесь в мире, а там
След ваш сотрётся из памяти,
Песню мою, посвящённую вам,
Будут влюблённые петь ещё долго.

Перевод Юрия Денисова

Белая ночь
И вновь она, сияя светом,
листвою первой шевеля,
поёт о чём-то в царстве этом
цветов и спящего имела.

Берёзы в белом, как девицы,
дрожат на цыпочках опричь,
с её сияньем слиясь слиться
и эту песнь её постичь.

Иван Мигалкин – якутский поэт, публицист, переводчик и детский писатель. Автор тридцати книг поэзии и прозы, детских рассказов и сказок. Начал публиковаться с 13-ти лет. Произведения его печатались на русском, украинском, туркменском и башкирском языках. Был участником VIII Всеюношеского фестиваля поэтов братских республик в Ашхабаде, Тютчевских чтений в Овстуге, праздника поэзии Пушкина в Москве.

Волны
В озере разъярённом
Волны вздымают спины,
От берегов отринув,
На середине кипят.
Волны,
вы схожи с дерзким
Сердцем неутомимым,
Что в одиночестве сносит
С пути миллионы
преград.
Жизнь моя, – ураганный,
Неудержимый ветер, –
Снова биемем мощным
Небо взбиваешь ты.
Контур судьбы скалистой
Резок, суров и светел.
Сердце
сметает горы
С дороги моей мечты.

Письма
О, письма, желты, как кожа
Позибного человека!
Порохом пахнут, кровью,
В них память живёт о войне.

Перевод Людмилы Кудрявской

Письмо из Литинститута
Якутскому писателю
Николаю Габышеву.

Как плавниками воду бьют гольяны,
Как шепчут травы, затопив поляны,

Перевод Евгения Каминского